

Старые страхи новых европейцев

Кай-Олаф Ланг

В нескольких государствах-членах ЕС и НАТО война в Грузии была подвергнута суровой критике. В особенности Польша и государства Прибалтики осудили российскую интервенцию и заявили о своей солидарности с Грузией. Наиболее откровенным выражением солидарности с кавказской республикой стало выступление президентов Польши, Эстонии и Литвы, а также главы правительства Латвии на массовом митинге в Тбилиси 12 августа, в котором также принимал участие президент Украины Ющенко. Еще за несколько дней до этого президенты Польши и прибалтийских государств предостерегали в связи с действиями России от «империалистической и ревизионистской политики в Восточной Европе». Президент Польши Лех Качиньский заявил в Тбилиси, что он и его коллеги приехали, чтобы «вступить в борьбу», потому что Россия впервые за долгое время «показала свое лицо, которое мы знаем уже столетия».

Параллельно с подобным символическими обязательствами эти государства настаивали на более решительных действиях со стороны своих партнеров в ЕС. Разумеется, они не смогли добиться успеха в полной мере? как показал план мирного урегулирования, согласованный Францией как председателем совета ЕС с Россией и Грузией. Этот план был немедленно подвергнут критике как не учитывающий принцип территориальной целостности Грузии. Поездка глав пяти государств в Тбилиси также не столько стала признаком начала формирования в ЕС широкого фронта противников России, сколько продемонстрировала прежде всего, что государства, имеющие склонность придерживаться более жесткой линии в отношении с Россией, вновь остались при своем. При всех попытках поддержать Грузию было решено отказаться от радикальных шагов. Так, к примеру, голоса литовской оппозиции, призывавшие к блокаде русских военных транспортов в Калининград, не нашли положительного отклика. Ибо повсюду возникают опасения, что солидарность с Грузией может вызвать санкции с российской стороны. Впрочем, с точки зрения посетивших Тбилиси политических деятелей миссия солидарности с Грузией задним числом может быть оценена как успешная. И не потому, что этот сигнал в какой-либо мере впечатлил Россию или что жест лояльности в адрес грузинской общественности придал событиям новую динамику. Выступление в Тбилиси было не в последнюю очередь посланием к партнерам по ЕС, которые отныне знали, что новые государства-члены ЕС образуют последовательно антироссийский лагерь.

Бурная реакция таких государств, как Польша и страны Прибалтики, мало удивляет. Все эти государства уже долгие годы многое делают для того, чтобы стимулировать процессы трансформации, демократизации и ориентации на Запад стран Восточной Европы и Южного Кавказа. Прибалтийские республики, прежде всего Литва, проявили особенную активность как в Грузии, так и за ее пределами, и стали пионерами союза New Friends of Georgia. Цель этой коали-

ции государств Восточной и Юго-Восточной Европы – поддержка реформ в Грузии и ее курса на членство в ЕС и НАТО. Однако прежде всего Польша и страны Прибалтики становятся свидетелями подтверждения их самых пессимистичных геополитических оценок процессов в постсоветском пространстве. По их мнению, начав эту «неоимперскую реконкисту», Россия намеревается вернуть государства своего ближнего зарубежья в пределы своей сферы влияния или по меньшей мере не допустить их вступления в состав Европейского союза и Трансатлантического альянса. Свяжав войну на Кавказе с подавлением Пражской весны сорок лет назад, говорили даже о претворении в жизнь на территории бывшего Советского Союза «доктрины Путина» или «доктрины Медведева». С точки зрения этих государств, то, что Грузия и Украина не получили четких обещаний членства в НАТО на саммите ЕС в Бухаресте, не только было ошибкой, но и формально поощрило Россию к интервенции. Дополнительное неудовольствие вызвал приведенный российской стороной аргумент об обязанности России защищать своих граждан в соседних государствах. Именно в Эстонии и Латвии, где существуют многочисленные русскоязычные общины, глубоко укоренился страх того, что Москва может использовать проблематику национальных меньшинств во внешнеполитических целях. Подобное восприятие ситуации как угрожающей, без сомнения, распространено не во всех новых странах-членах ЕС и НАТО. Так, словацкое правительство лево-национальной ориентации сначала приписало ответственность за конфликт Грузии. Однако когда отделение Абхазии и Южной Осетии стало реальной альтернативой, Братислава начала действовать осторожнее. Премьер Роберт Фицо вспомнил при этом, что высказывались соображения и против независимости Косово, поэтому было бы логично возражать против выхода обеих территорий из состава Грузии. Подоплекой этому стало явно выраженный страх перед тенденциями к автономии в Южной Словакии, населенной преимущественно представителями венгерского меньшинства. В Чешской республике мнения разделились. Президент Вацлав Клаус заявил, что Россия – не агрессор, а Грузия – не просто жертва; социал-демократическая и прежде всего коммунистическая оппозиция также выразили свою солидарность деятельности России. Напротив, деятельность Москвы осудили прежде всего консервативные члены правительства. Так, исполняющий обязанности премьер-министра Александр Вондра заявил, что в случае с войной в Грузии речь идет о русском национализме в «гуманитарной упаковке», сильно напоминающем политику Германии образца 1938 года. Даже в Польше присутствуют различные внутрисполитические позиции: тогда как лагерь президента высказывается за бескомпромиссную политику в отношении России, парламентское большинство, возглавляемое премьером Дональдом Туском, с момента вступления парламента в должность прошлой осенью стремится к возобновлению российско-польских отношений.

Несмотря на различия в общей картине, негативная оценка русско-грузинской войны и соответственно действий России в скептических по отношению к России кругах не остается без последствий в странах региона – последствий для позиционирования государств в НАТО и ЕС, для их отношений с США и связей с Россией.

Польша, государства Прибалтики, а также чешское правительство настой-

чиво стремятся донести до НАТО свой призыв к конкретному и незамедлительному предоставлению членства Грузии и Украине. В то же самое время предпринимаются попытки заново определить и ограничить профиль НАТО с оглядкой на новые угрозы в сфере безопасности. Сюда относятся, к примеру, кибер-безопасность (Эстония уже является пионером в этой области) или энергообеспечение. После того, как Россия опять ввела в игру силовую альтернативу и поставила ее на службу защите своего влияния, вновь разгорятся старые дискуссии относительно постановлений НАТО об обороне или об оборонной и военной политике его членов. Так, Польша и прибалтийские государства уже сейчас подчеркивают, что политика безопасности и применения вооруженных сил должна вновь больше ориентироваться на защиту территориальной целостности государств и не должна в одностороннем порядке концентрироваться на обеспечении боеспособности в ситуации международного кризиса.

США воспринимаются как единственный эффективный гарант жесткой безопасности. То, что в связи с российско-грузинским конфликтом польско-американские переговоры о ликвидации ракетного вооружения, прежде протекавшие крайне вяло, ныне были стремительно доведены до завершения, еще раз подчеркнуло, что военное присутствие США на территории Польши с точки зрения Варшавы (а также и Праги) обнаруживает четкую политическую составляющую. Жесткая риторика Вашингтона укрепляет вершителей политических судеб, а также общественность во многих государствах Восточной Европы в своей уверенности в том, что США не готовы так просто принимать вмешательство Москвы в странах, граничащих с Россией. Впрочем, в Восточной Европе также по праву возникают сомнения – в том, что США на самом деле готовы к тому, чтобы в случае крайней необходимости довести дело до конфронтации с Россией по поводу конфликта в постсоветском пространстве, выходящей за рамки простых дипломатических размолвок; а также в том, что США действительно обладают действенными средствами (исключая военный потенциал), чтобы проявить солидарность со своими союзниками.

Поэтому «новые европейцы», несмотря на некоторое недоверие в отношении своих партнеров по ЕС, прежде всего будут делать ставку на Евросоюз и соответственно на инструментарий Общей внешней политики и политики безопасности (ОПВБ). Так, они будут вновь требовать предоставления таким государствам, как Украина, шансов на вступление в ЕС, а также одновременно с этим повышения значимости Европейской политики соседства (ЕПС), включая выделение особого ее восточного аспекта. Укрепление многостороннего сотрудничества на восточном фланге расширившегося ЕС и усиление двусторонних отношений с партнерами на восточной периферии ЕС, как это предлагает, к примеру, Польша (совместно со Швецией) в форме «Партнерства во имя Востока», должны повысить эффективность формирующейся мощи ЕС в регионе. В этом же ключе следует рассматривать и внесенное польским министром иностранных дел Радославом Сикорским предложение отменить санкции, введенные ЕС против Белоруссии.

Вторым «двигателем» ЕС должна стать Европейская политика безопасности и обороны. Многочисленные государства восточной части континента в прошлом критиковали то, что она в непропорциональной мере

ориентируется на операции далеко за пределами ЕС. Поэтому они участвовали в таких миссиях, как в Конго, скорее из тактических причин: ими руководила надежда, что такие государства, как Франция или Великобритания, при необходимости также будут действовать в зоне интересов новых стран-членов ЕС. Сейчас эта необходимость рассматривается как данность: в таких регионах, как Северный Кавказ, Евросоюз должен усиленно использовать все свои возможности реагирования в кризисных ситуациях - как военные, так и гражданские. В-третьих, новые члены ЕС ожидают от своих партнеров по союзу солидарности в случае ответных мер со стороны России. Это касается, к примеру, возможных бойкотов торговли или ограничений при поставке энергоносителей. В качестве решающего средства, призванного ограничить доминирование России, в общем и целом будет рассматриваться более эффективная и солидарная политика в области энергетики и экспорта энергии. Неслучайно премьер-министр Польши Туск в связи с южноосетинским конфликтом потребовал критически пересмотреть проект газопровода «Северный поток», который должен пройти через Балтийское море.

Война в Грузии дополнительно усложняет и без того непростое отношение к России таких государств, как страны Прибалтики или Польша. Так, с начала конфликта эти страны голосовали за ужесточение политики ЕС в отношении России. К примеру, президент Эстонии Томас Хендрик Ильвес одним из первых потребовал отсрочки упрощенного получения виз гражданами России. Призыв к санкциям может стать еще громче, если Россия попытается «наказать» или дестабилизировать «трудные» государства-члены ЕС - посредством ограничения поставок энергии или ее подорожания или же вновь разыгрывая карту национальных меньшинств.

Однако прежде чем дойдет до новой эскалации конфликта в отношениях России с Грузией или другими соседями, такие страны, как Польша, могут сохранять позицию прагматической решимости, как они это показали, к примеру, на саммите ЕС, посвященном Грузии. Готовность не настаивать любой ценой на наказании России оказалась связанной с политическим стремлением обеспечить для себя в качестве контрмеры поддержку со стороны ЕС в сфере отношений с восточным соседом, а также лучшую координацию энергетической политики. Визит в Варшаву российского министра иностранных дел Лаврова в середине сентября показывает прежде всего, что в создавшейся ситуации Москва заинтересована в том, чтобы сгладить противоречия и удовлетворить готовность польского правительства к диалогу. Впрочем, было бы преждевременно рассматривать этот визит как начало новой и продолжительной фазы конструктивного сотрудничества между Россией и «трудной» - по ее мнению - страной Восточной Европы. ■

Перевод статьи Фонда «Наука и политика» сделан по заказу Посольства Германии в Москве